

ПРОДАВЕЦ ЖЕЛАНИЙ

Что ты готов
отдать взамен?

МЕЧТА

ЛЮБОВЬ

ЗДОРОВЬЕ

СЛАВА

СЧАСТЬЕ

ДЕНЬГИ

БЕССМЕРТИЕ

ВЛАСТЬ

А Л Е К С Б Е Р Р

18+

Алекс Берр

"Продавец желаний"

<https://litres.ru/74112164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда одна случайная встреча меняет всю жизнь. Особенно если незнакомец предлагает не деньги, не власть и не удачу, а исполнение самого заветного желания. Цена кажется невероятной. До тех пор, пока не приходится решать, готов ли ты ее заплатить.

"Продавец желаний" - философский роман с элементами мистики о мечте, совести, выборе и ответственности. Это история о том, можно ли добиться своей цели, не потеряв самого себя, и о том, что каждое желание однажды требует ответа на вопрос: что ты готов за него отдать?

Содержание

Интервью	5
1	9
2	19
3	23
4	28
Интервью	31
5	35
6	40
7	43
8	47
9	52
10	61
Интервью	68
11	70
12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алекс Берр

"Продавец желаний"

Испокон веков покой богов был невозможен вовсе.

Лакомый кусок меняли на кусок души.

«Utopia», Miyagi & Andy Panda

Интервью

— Рад, что ты выбрал время и добрался до нас. Как дела?

— Устал.

— Ты был в Лондоне, насколько я знаю.

— Ага, потом заехал в Ливерпуль, посмотрел хороший футбол, покричал, потом в паб, — прочищает горло. — Устал.

— Ты болеешь за «Ливерпуль»? — журналист заглядывает в список вопросов на телефоне.

— Да, есть такое.

— Почему именно они?

— История, характер, болельщики, Энфилд... Не я выбирал...

— Как это?

— Они сами меня как-то выбрали, — разводит руки в стороны. — Слушай, я готов говорить о футболе часами, но тогда у тебя тайминг будет сильно превышен.

Интервьюер — молодой парнишка со стильной прической — немного удивляется наглости гостя, но соглашается продолжить. Уютный ламповый желтый свет немного оттеняет книжный шкаф во всю стену, на фоне которого идет запись.

— Не поспоришь. Ты был в Лондоне...

— Презентация новой книги.

— Как все прошло?

— Каждый раз удивляюсь, сколько людей приходит послушать меня. Я же писатель. Не стендапер, не актер или музыкант. Есть мои книги, а есть я...

— Чувствовал неловкость? — журналист, кажется, нащупал дверную ручку к эмоциям.

— Нет, только удивление. Оно быстро проходит. Вспоминаю, что теперь светить лицом — тоже часть моей писательской работы.

Блогер ощущает надменность известного автора, знает, что нужно пробиваться сквозь нее, чтобы получился хоть сколько-нибудь толковый контент.

— Нетфликс! Сделал сериал по твоей книге. Как изменилась твоя жизнь после? — знает, что нужно умаслить чувство собственной важности гостя.

— Я уволился с работы и полностью посвятил себя писательству.

— Ты работал продавцом в Сталелитейске, будучи известным писателем?

— Угу, — делает глоток воды из стакана.

— Не хватало денег?

— Стабильность. Все эта сраная стабильность! Хочется быть уверенным в завтрашнем дне. Писательство не давало этого ощущения. А вот работа продавцом велосипедов — да. Я продавал свое время за копейки, чтобы завтра покушать хлеб с маслом и за квартиру заплатить. Деньги за книги были для меня как выигрыш в лотерею. Нестабильное чудо.

Оператор специально не показывает дуэльную постановку кадра — когда действующие лица сидят напротив друга. Так нужно, чтобы у зрителя сложилась картинка откровенного домашнего разговора на кухне, а не допроса у следователя.

— Сейчас бы ты сделал по-другому? Уволился бы раньше?

— Думаю, нет. Это в крови. Мама так воспитала. Школа без троек в аттестате, чтобы поступить на бюджет. Универ без троек, чтобы получать стипендию. И диплом, чтобы работать на стабильной работе. Не могу переключиться с этой программы. Не получается.

— Даже сейчас?

— Сейчас особенно. Не могу поверить, что вся эта сказка происходит со мной. Что вообще так бывает. Мне с детства вдалбливали: деньги — это тяжелый труд. А сейчас мне платят за идеи, за мои выдуманные миры. Сейчас я кайфую каждый день. Но где-то в тени прячется страх, что без стабильной работы я буду голодать.

Наконец-то откровения, которых так ждал интервьюер. Продолжаем.

— Оскар за «Лучший драматический сериал» не принес тебе уверенности?

— Сценарий не мой, я только немного консультировал. Популярность выросла, это да. Но какой-то фундаментальной уверенности все равно не чувствую.

Журналист понимает, что тема «стабильности» исчерпа-

на, герой начинает откровенно душнить. А вот «Оскар» — это интересно.

— Расскажи про красную дорожку. Тебя же пригласили. Как там все устроено?

1

Ласково скрипит входная дверь магазина. Видимо, из-за отсутствия раздражающих нот никто ее не торопится смазывать. С этим привычным звуком вытаскиваю себя за волосы из размышлений. Пора работать.

Входит мужчина. Уверенный шаг, знает, чего хочет. Поэтому и не спешит. Смотрит по сторонам, направляется вперед вдоль рядов с велосипедами.

Чтобы оценить человека и сформировать первое впечатление о нем, достаточно 0,5 секунды. Полсекунды — и кто-то о тебе уже что-то подумал, навешал ярлыков, отнес в какую-то категорию. Решил, как будет с тобой общаться. В продажах хорошее первое впечатление может сильно упростить задачу.

Мужчине около сорока пяти лет. Может, и больше, мог просто хорошо сохраниться из-за отсутствия тяжелой работы. Легкий настоящий загар, не цвета йода из солярия. Скорее всего, пару недель назад вернулся с моря. Аккуратная деловая современная прическа без вычурных забритостей и мелирования, но и не за триста рублей от тети Гали. Поло мятного цвета с темно-синим воротником и резинками на рукавах, обтягивающих бицепс. Держит себя в форме, ходит в спортзал.

Покупатель должен освоиться в торговом зале, привык-

нуть и почувствовать себя комфортно. На это обычно уходит от тридцати секунд до двух минут. В это время к нему подходить не стоит. Пока он медленно шагает, разглядывая велосипеды, можно продолжить изучение.

Прямые джинсы цвета индиго сидят по фигуре, без разрезов и потертостей — стиль свободный, но не раздолбайский. Кожаные белые кеды без следов пыли или грязных заломов — ездит на автомобиле. В руках держит кожаный клатч.

Что мы имеем? В середине рабочего дня приехал на машине, значит, вряд ли рядовой сотрудник. Хорошо зарабатывает, потому что есть время и силы следить за собой и стильно одеваться. Должен любить качественные вещи, значит, можно продать что-нибудь дорогое.

Медленно двигаюсь в его сторону.

Из-под одного рукава торчит кусочек цветной татуировки. Такие не быют в армии и не «ошибка молодости». Скорее всего, у хорошего мастера, значит, готов тратить деньги на себя. На руке два веревочных браслета, такие вяжут монахи в храмах Таиланда на исполнение желания.

Чтобы не возникло сложностей при установлении контакта, нужно подходить к покупателю спереди, быть в зоне его видимости. И в то же время сбоку, чтобы у него не создалось ощущения противостояния.

— Для кого выбираете велосипед? — улыбка должна звучать в голосе и не быть фальшивым оскалом.

Обязательно открытый вопрос, на который нельзя отве-

тить «да» или «нет». Покупатель должен говорить.

Мужчина смотрит на меня, кивает.

— Добрый день! Вот думаю, сейчас самое время покупать

...

В начале сентября хорошие цены, но это покупка, скорее, на следующий год. Значит, либо достаточно денег и мозгов, чтобы не тратить их импульсивно, либо просто сиюминутная хотелка.

— Да, вы правы, — контакт установлен. — Где хотите кататься?

У него открытые приятные черты лица, без агрессии, злобы или неприязни. Таким людям хочется доверять.

— Сложно сказать. — Когда он улыбается, морщины подчеркивают возраст. — За городом, наверное...

Мало информации. Перед тем как что-то предложить, нужно понять его потребности.

— Наверняка вы как-то сформулировали свое желание? — Люди с деньгами обычно знают, чего хотят. — Это же не просто прихоть. Может быть, вы мечтали всю жизнь о велосипеде? Как вы хотите кататься?

Улыбаюсь.

Он смотрит уверенно в глаза, не отводит взгляд сразу, но и не давит. Продавец должен поддерживать зрительный контакт около 70 % времени общения с покупателем.

— Да, была у меня такая мечта когда-то давно, — видимо, вспомнил что-то веселое. — А сейчас могу себе позволить.

И еще пару недель точно будет хорошая погода, в лесу пока-таюсь. Там красиво...

Когда формируется четкое понимание потребностей покупателя, можно переходить к предложению. Но делать это нужно аккуратно, формулировка имеет большое значение.

— Отлично! — передо мной человек с деньгами, который ценит и любит себя, а значит, не будет экономить на своих желаниях. — Смотрите, есть пара замечательных вариантов для вас. Вот здесь...

Идет за мной. А я двигаюсь к сегменту «почти премиум». Главное — говорить на языке выгод. «Это вам даст», «это вам позволит», «вы сможете», «вы получите» — лучшие заклипания продавца.

— Вот этот! Австрийский бренд, собирается на заводе в Китае по европейским стандартам качества. Легкий, надежный и стильный. Сможете кататься как по городу, так и по лесу.

— А второй?

— Вот здесь. Это немец, собирается в Германии. Как BMW среди велосипедов. Мировое имя, лучшая сборка и никаких головных болей с настройкой переключателей скоростей. Катаешься везде и получаешь удовольствие.

Когда понимаешь, чего хочет покупатель, очень легко выстраивать предложение. «Мы не на столько богаты, чтобы покупать дешевые вещи» — по этому принципу живут многие люди с деньгами. Имя вещей для них подтверждает и

статус, и качество.

— После BMW уже можно было не продолжать, — он улыбается мне, себе и богам торговли. — Можно на него присесть?

— Конечно!

Дальше остается подобрать по размеру. И «завернуть».

Продавец — это хорошая и достойная профессия, если иметь свой кодекс чести. Если не впаривать и не обманывать. То ли я был так воспитан, то ли приобрел эти принципы со временем, но врать для собственной выгоды мне больно. Слишком чувствительная совесть. Здесь мне повезло — мы продаем действительно хорошие вещи. Ну, как минимум неплохие.

Чтобы подтолкнуть человека к принятию решения, нужно задать правильный вопрос.

— По карте планируете оплачивать или наличными?

Теперь он будет выбирать не между «купить» и «не купить», а между картой и наличкой. Это манипуляция, но никак не вранье.

После оплаты важно не забывать про клиента, а напомнить ему, что он совершил великолепную покупку в замечательном месте.

— Спасибо вам! Очень хороший выбор!

— Это вам спасибо!

Можно даже дополнить бесплатным сервисом.

— Помочь погрузить в машину?

— Да, буду очень признателен!

У крыльца магазина стоит белоснежный «Х5». Понятно, почему он повелся на BMW.

— Крутая! — киваю в сторону машины.

— Ага! Хочешь такую же? — открывает багажник и складывает сидения.

— Нет, не очень, — колесом вперед протягиваю велосипед, он принимает его через заднюю дверь.

— Вот так, ага. Спасибо! — закрывает дверь. — А чего ты хочешь?

Смотрю в его глаза. Черты лица несколько не изменились, только как будто еще больше открылись. Словно я знаю его всю жизнь. Молчу.

— Как тебя зовут? — протягивает ладонь ту, что с браслетами.

— Александр, — жму руку, стараюсь в меру сильно.

— Петр, — кивает и продолжает улыбаться. — Как ты меня спросил сегодня: может быть, ты мечтаешь всю жизнь о чем-то?

Почему-то мне захотелось сказать ему правду. Возможно, все дело в чертах лица и спокойной уверенности в себе. Если бы мама привела вот этого дядю домой и сказала: «Саш, знакомься, это — Петр, мы с ним любим друг друга, он будет жить с нами», я был бы очень рад. И даже перестал бы писать письма отцу, который ушел от нас, когда мне было пять лет. Как же это было давно!

— Я мечтаю... — не вижу в его глазах причин лгать. — Я мечтаю стать писателем...

Он немного склоняет голову на бок. Так делают овчарки, когда пытаются понять новую команду хозяина.

— Это замечательное желание, Саш! — захлопывает багажник. — И я могу его исполнить.

Чего, блин?! Ты маньяк, что ли, какой-то?! Богатый хрен, который думает, что может купить кого угодно?! А потом предлагает исполнить желание за минет на заднем сидении новенького BMW?

— Не нужно делать ничего такого... — он разводит руки в стороны. — Ну, ты понял...

— Нет! Вообще ничего не понял!

— Смотри, у тебя есть мечта. Ты хочешь стать писателем. И это правда круто! А у меня для тебя есть деловое предложение...

Уши закладывает. Вокруг становится тихо. Как будто мы оказались в огромном мыльном пузыре.

— Чтобы исполнилась твоя мечта, ты должен продать десять желаний. Каких угодно и кому угодно. Но по фиксированной цене...

Его голос звонко разносится по окружающему нас жидкому вакууму.

— Желание в обмен на душу.

Пальцем прочищаю ухо, чтобы убрать заложенность. Не помогает.

— Покупатель должен понимать, что он отдает душу, — его приятный голос продолжает резать мягкое пространство и время. — Поэтому ты берешь с него подпись.

— Кровью?

Смеется. Короткое эхо множит и делает зловещей его усмешку в жидкой тишине.

— У всех такой вопрос. Нет, нужно, чтобы покупатель расписался ручкой на твоей ладони.

— И все?

— Да, этого достаточно.

— А дальше что?

— Его желание исполняется. После смерти он теряет душу.

Бред.

— Ты дьявол?

Улыбается. Такая добрая и мягкая улыбка не может быть у дьявола. Слишком он приятный и располагающий к себе.

— Обычно я не предлагаю такие контракты, но мне очень понравилось, как ты продаешь. Ты думаешь, что говорить и как. Значит, у тебя есть все, чтобы добиться успеха, — достает из заднего кармана джинсов клатч, медленно расстёгивает замок. — И мне нравится твоя мечта. Она большая и значимая. Я думаю, она стоит того, чтобы не отказываться от такого шанса.

Достает из клатча шариковую ручку, щелкает и протягивает мне.

— Готов заключить контракт на десять желаний?

— погоди! — делаю шаг назад. — А если я не продам...

— Ничего не изменится. Будешь жить, как жил.

— Сколько у меня есть времени на это?

— А когда ты хочешь стать писателем?

— Чем быстрее, тем лучше...

— Ну вот ты и ответил на свой вопрос! — снова громко усмехается.

Это не пузырь... Это тишина вокруг нас... Она стала жидкой и густой, как гель! Чтобы скрыть от чужих ушей наш диалог.

— То есть я ничем не рискую? — верится с трудом.

— Именно, Саш! Как только ты подпишешь десятую душу, исполнится твое желание. — Он снова протягивает ручку. — Ну так как? Готов принять мое предложение? Перед тобой две таблетки, Нео...

Осторожно беру ручку. Это Parker, синий пластиковый низ, позолоченный верх. Всегда хотел купить себе такую, чтобы когда-нибудь, когда стану известным писателем, подписывать читателям свои книги.

Он протягивает ладонь, два плетеных тайских браслета на ней еле заметно качнулись. Интересно, что он загадал у монахов? Расписываюсь, синие чернила тонкой полоской мягко оставляют мой самый странный автограф в жизни.

— Вот и замечательно, — он забирает у меня ручку и прячет обратно в клатч. — Теперь наслаждайся продажами, у

тебя это классно получается. И спасибо за велосипед!

Петр садится в машину и начинает медленно отъезжать с парковки. Потом останавливается и опускает стекло.

— Совет тебе, — он почти кричит, потому что тишина незаметно исчезла и дневные звуки улицы сильно заглушают его голос. — Всегда носи с собой ручку!

2

Десять желаний. С подписью. Идиотизм. Чувак просто посмеялся надо мной. Может, у него приколы такой. Богатая шиза. Если денег хоть жопой жуй, значит, можно втирать всякую дичь наивным пацанам.

— Стиви, иди ешь! Кс-кс-кс!

Британский кот такой же щуплый, как его хозяин. Цвета хмурого дождливого неба над старушкой Англией. Над Ливерпулем. Под небом такого же цвета топтал вечнозеленый газон домашнего Энфилда его легендарный тезка.

Он вылезает из лежака, потягивается, нервно лижет неаккуратно торчащий клочок шерсти и бесшумно идет в сторону миски. По пути надменно, как бы невзначай трется о ногу хозяина.

Стиви умный, но не ласковый. Никогда не рвал обои, не ссал мимо лотка. Сгребая его в охапку и прижимаю к груди. Не шипит, но и не мурчит. Отталкивает меня лапами без когтей. Он как красивый декоративный цветок, который не нужно часто поливать. Мой тренажер любви и ответственности. Мое спасение от одиночества.

Падаю на диван, промятый с одного края и в пятнах, старая «книжка» скрипит, но работает. Этот диван и совдеповский сервант, так и не увезенный хозяевами на дачу, входят в понятие «меблированная квартира». Начинаю снимать

джинсы. Сил почти не осталось, так бы и сидел в заботливо промятой кем-то ямке.

Нужно срочно проверить электронную почту. Пальцы сами находят приложение на уже разблокированном экране смартфона. Сами обновляют список входящих — никаких изменений. Не удивительно, иначе пришло бы уведомление. Последнее прочитанное письмо было от издательства: холодный отказ без приветствия и точки в конце, с автоматической подписью «с уважением» без уважения. Проверяю папку «Спам», может быть, оно случайно попало туда. Или какой-нибудь дядя Вернон спрятал долгожданное волшебное письмо от меня среди сотен рекламных вирусных рассылок. Нет, издательства молчат.

Скромные квадраты съемной однушки дают тусклым желтым светом лампы Ильича. Надо будет при случае купить поярче. По бежевым обоям с крупными коричневыми завитками скользит на кухню моя вытянутая усталая тень. Здесь такая же лампа под потолком, и из-за меньшей почти в три раза площади должно быть светлее. Но это не так. Только когда открывается дверь холодильника, подаренного мамой, на кухне становится на несколько секунд уютней. Если бы не убитый кухонный гарнитур в три засаленных шкафа, то это было бы мое любимое место. Здесь за чашкой чая я пишу. Правда, не делал этого уже несколько месяцев. В творческом отпуске жду ответа от издательств.

В высоченном холодильнике только самое необходимое:

три яйца — на всякий случай, жидкий сыр — на завтрак и огрызок колбасы — на черный день. Сто процентов у мамы есть что-нибудь из еды. Не заходил к ней уже три дня.

Телефон ставлю на громкую связь. Беру на руки облизывающегося кота. Стиви недоволен, но дает мне несколько секунд насладиться своим спокойствием.

— Алло! — родной взволнованный женский голос.

— Привет, мам!

— Привет, Саш! Как ты? Как отработал?

— Да нормально...

— Были покупатели? — переживает за это больше, чем я.

— Да так, ходили немного...

— Ты, наверное, голодный? Приходи, я супчик сварила!

Терпеть не могу эту заботу! Это же мое личное пространство!

— Я не голодный, мам! — вру во вред себе, но надо показать, что я уже взрослый. — Мне тридцать лет почти! Ты думаешь, я не могу покормить себя?

— Да можешь, конечно... Ну а куда мне столько супа?

Вздыхаю. Мерзкое чувство вины запрыгивает на диван, начинает тереться о мой бок. «Старалась же». Кот вырывается, пытаюсь его ловить.

— А зачем варила столько?

Тишина. Обиделась. Нельзя так.

— Ну, не хочешь — не приходи...

Кот спрыгивает с моих ног, оставляя на ладонях клочки

серого подшерстка.

— У тебя все нормально, мам? Как твой день? — перевожу тему.

— Да ничего интересного, всё, как всегда, — снова тишина. — Точно не придешь?

Опять громко вздыхаю.

— А с чем суп?

3

Во дворе темнеет быстро без фонарей. Иногда управляющие конторы вешают лампы над полуразвалившимся козырьками, но для этого нужно писать коллективную жалобу. Мама живет через два подъезда от меня, специально искали мне квартиру поближе. Повезло.

В сумерках горит красный огонек домофона.

— Кто там? — радостный женский голос.

— Я.

Домофон пиликнул, дверь открылась.

Каждый раз удивляюсь, как она открывает вслепую. Любой может сказать: «Я», любой может шугнуть её и забрать все ценности. «Да что у меня красть-то?» — отвечает она и виновато разводит руками. Глупо и даже обидно, что звучит это как девиз по жизни.

— Привет, мамуль! — обнимаю.

— Привет, сынок, — крепко сжимает меня. — Соскучилась! Дай хоть посмотрю на тебя. Чего бледный? По телефону говорил как будто в нос, не простыл?

— Все хорошо.

— Ну, иди руки мой. Полотенце чистое на стену повесила.

Спрашивает про день, про покупателей, про здоровье, опять про здоровье.

— Как супчик? Я уже поужинала, не дождалась тебя. Чай-

ку с тобой попою.

Мама суетится вокруг.

— Майонез или сметанку? Горчичку достать? Борщ на мягкой говядине сварила. Сегодня после работы на рынке купила. Думала, вдруг ты зайдешь? А то давно не заходил.

— Два дня назад был же...

— Ну я и говорю, — оглядывается. — Хлеб я достала? Ага, ну и хорошо. Ты ешь, ешь.

Не любил супы с детства, пока не стал жить отдельно. Ненавистная гречка, печень и голубцы теперь тоже в зоне терпимости. Чего ждать дальше? Как-то на вписке в студенческие годы ели кошачий корм с кетчупом. Все деньги ушли на пластиковые баллоны дешевого пива. Из еды для людей был только кетчуп. Пришлось обманывать желудок горстью хрустящих шариков. Производители еще так красиво и аппетитно пишут на упаковках: «кролик в клюквенном соусе», «индейка с лососем», «нежнейшая говядина». Тогда ходила легенда, что в каком-то московском мажорном клубе кошачий корм есть в меню.

Морщусь. Воспоминание, про которое точно не стоит рассказывать маме.

— Что к чаю будешь? — вытаскивает варенье, мед и печенье.

— С конфеткой...

— Ага, бери. Если что, еще достану. Шоколадку тоже можешь открывать.

— Какую?

Передо мной лежит плитка молочного шоколада с орехом и изюмом. Мама пододвигает ее ко мне.

— Вот эту.

— Какую? Не вижу.

Кручу головой по сторонам, придуриваюсь. Бесит гипертония, гиперзабота и гиперпринижение моей самостоятельности. Я же не слепой, если захочу — возьму или спрошу!

— Смеешься, да? — вздыхает, улыбается. — Ну извини старую. Скучно мне тут одной.

— Хобби найди себе. Сколько можно романчики женские почитать до ночи.

— Какое хобби? — теребит выцветший фартучек. — Его терял кто? Найди...

— Ты же раньше рисовала.

Достает кружку, наливает заварку, кипяток и разбавляет водой, чтобы не обжечься.

— Я так на работе нарисуюсь, что потом не разгибаюсь!
— отламывает маленький кусочек хлеба. — Тошнит уже от рисования!

Пытается открыть банку с медом. Не получается.

— Давай помогу, — крышка прилипла, но с усилием открываю.

— Что бы я без тебя делала? — зачерпывает чайной ложкой засахаренный мед и намазывает на хлеб.

— С вареньем пила бы, — доволен, что не подвел. — По-

свежее меда нет?

— Да есть, конечно! Этот выкидывать, что ли?

Вздыхаю.

— Так и что с хобби?

— А что с ним?

— Картины рисовать не хочешь? Помнишь, ты природу рисовала? Когда нас дядя Артем на шашлыки вывозил.

Громко отхлебывает чай. Кивает.

— Давно это было, Саш. Тогда жить хотелось, как никогда. Тогда лет семь прошло, как отец от нас уехал. И ты повзрослее стал. Пятый или шестой класс. Силы были еще...

— А сейчас не хочется жить?

— Сейчас хочется, чтобы ты пожил хорошо.

— Интересное желание. Непонятное вообще, — допиваю одним глотком чай и отодвигаю кружку. — Для себя ты чего-нибудь хочешь? Мечта, может быть, какая-нибудь есть?

— А я это для себя и хочу, — смотрит, как будто хитрую загадку загадала. — Дети появятся, тогда поймешь.

Уже обуваясь в коридоре, вспоминаю про цену желания.

— Мам, ты веришь в душу?

— Не знаю, сложно сказать. А почему ты спрашиваешь? — сразу ищет подвох, вдруг меня сектанты вербуют.

— Да просто, — вешаю обувную ложку на крючок. — Ну а если бы тебе предложили отдать твою душу, согласилась бы?

— Просто так? — как легко оказалось ее заинтересовать.

— Нет, за желание. За мечту самую сокровенную!

- Ну я бы подумала. Может быть, и согласилась бы. Обнимаю ее.
- Береги себя. Спасибо за ужин.
- Тебе спасибо, что пришел! Как дойдешь, позвони.
- Мам, мне идти два подъезда.
- Ну там же темно!

Хлопнула дверь машины во дворе, завелся двигатель, заиграла музыка. Старые шторы прорезал луч фар и сделал пирует по потолку. Добрался почти до самой двери. Мотор и хрипы шансона медленно затихли в соседних дворах.

В лунном свете изучаю потолок. Слышу кашель соседа сверху. Ему что-то говорит жена, он хрипит в ответ. Вибрации его шагов сотрясают люстру. Щелкает пружина выключателя. Какая слышимость! А если бы они трахались? Личной жизни нет, пока есть соседи. И это не только про квартиру. У него в туалете водопад?!

Любитель шансона возвращается. Орет что-то. Подпевает? Совсем не попадает в мелодию. Двигатель стих, музыка тоже. Дверь? Конечно! Хлопает до сотрясения мозга. Продолжает на кого-то орать, слов не слышно. Он пьяный! Ездил за добавкой или закончились сигареты. Пиликает домофон.

Хозяйка — сука! Ненавижу ее! Не разрешает мне в счет оплаты поставить пластиковые окна. Шамотра! А ведь скоро зима, буду затыкать щели ватой, как в детстве.

Когда я стану писателем, и мою книгу издадут, обязательно куплю квартиру. Но не в этом доме, а где-нибудь в соседнем дворе, где поспокойнее. Сделаю ремонт, поставлю окна. Буду спать в тишине, с легкой головой. Без всех этих мыслей. Без негатива.

Продавец желаний, ха! Менять мечту на душу. Что за псих?! И я верю еще, главное. Слушаю, киваю.

Не, он — реально дьявол, получается тогда. Ладненький такой, сладкий, что ли. Как будто не отсюда. Из мира успешных людей. Петр. Наверное, много кто повелся на его предложение и уже во всю торгует. А почему он мне не предложил купить мечту за мою душу?

Поворачиваюсь на бок.

А если это правда? Десять проданных желаний, и я смогу загадать свое. Мои книги будут лежать на центральной выкладке в книжных, прямо на входе. Стану знаменитым...

Кот! Вздрагиваю от его прыжка. Пушистый замерз на полу — ночной сентябрь продувает окна от советских партийных застройщиков. Устраивается в ногах на углу неразложеного дивана. Так, чтобы обязательно касаться боком моих ног. Тоже спасается от одиночества. Или просто хочет тепла.

Есть народная легенда, что кошка всегда ложится на больное место хозяина. Об этом постоянно говорила бабушка и сама в это верила. Она много во что верила. Во все, что придавало жизни смысл или хоть немного обезболивало мыслительные процессы в голове перед сном. Недавно в мусорном шуме интернета увидел историю про кошек. Ученые доказали, что они не лечат. Кошки выбирают больное место хозяина, потому что там жар, там организм воспален, им там просто теплее.

Все мы верим в сказки. Все мы хотим быть кому-то нуж-

НЫМИ.

Интервью

— Как отреагировали коллеги в магазине на успех твоей книги?

— Да никак, — вздыхает. — Во-первых, для них это не было успехом. Это ведь не «Первый канал». А во-вторых, люди не привыкли радоваться достижениям других людей. Даже самые близкие не всегда способны на такое.

— Что значит «не Первый канал»?

— По телеку не показали — значит, не звезда. Или еще «крузак», например, тоже показатель успешности. Лексус новенький. А книги... Ну, такое.

Смеется. Журналист доволен направлением беседы. Они сидят на сочном зеленом газоне под раскидистым деревом. Жидкая тень от листвы почти не спасает от горячих солнечных лучей. Людей почти нет — все на работе или на дачах.

— Кто из твоих коллег первым прочитал книгу?

— Никто. Думаю, что даже после экранизаций никто за книгу так и не взялся. Это другой мир, понимаешь? Приземленный. Нет там места творчеству. Но это не значит, что меня на работе окружали плохие люди. Просто у них другие взгляды на жизнь.

— Потому что это продавцы? — интервьюер продолжает раскручивать тему.

— А ты не продавец, что ли? — гость ухмыляется, над-

менно, даже как-то свысока.

— Нет, я журналист.

— Ты продавец своих навыков, умений и знаний в области журналистики. В сфере создания контента. Продавец своих способностей работать на камеру. Ты за это получаешь деньги. Точнее, меняешь свои скиллы на кэш. Вот и все. Разве это не продажа?

Парнишка перебирает в голове аргументы, он привык считать себя творческим человеком, творцом.

— погоди, а диплом журналиста?

— А что диплом? Он только подтверждает наличие у тебя специальных знаний и навыков. И то это такой себе документ сейчас.

Молчит. Ищет, чем отбивать. Неприятно.

— Не переживай, я тоже продавец. Мы все — продавцы. Мир — это большой рынок товаров, услуг и способностей. И люди на нем одновременно продавцы и покупатели. Все нормально.

— А врачи? Учителя?

— Сейчас они тоже продавцами стали. Продаются услуги в области здравоохранения и образования.

— А как?..

— Да просто все. Как и на обычном рынке, есть честные кайфовые ребята, к которым хочется приходить постоянно. А есть черти, у которых единственная цель — сиюминутная продажа. Выгода здесь и сейчас. Им похер, придешь ты еще

или нет. Главное — впарить.

— Ты себя к каким относишь?

— К чувакам с совестью. Мама, наверное, так воспитала. Ну и на первой работе коллеги сразу растолковали, что надо работать честно и с улыбкой, чтобы к тебе люди возвращались.

Гость делает глоток кофе из прозрачного пластикового стакана с черной крышкой, взбалтывает соломинкой лед и отпивает еще

— А как быть, если ты не можешь продать честно? Планы же выполнять надо...

— Ты прав, надо. Но лучше я сегодня скажу клиенту, что велосипедов для него нет, чем впарю неподходящий, на котором он будет обламываться. Или шею сломает. Я всегда подходил к общению с покупателями так, как хотел бы, чтобы продавали мне. Экспертно, вежливо и честно.

— Звучит сложновато...

— Компромисс с совестью — всегда непростая штука.

— Поясни.

— Продажа — это... Нет, не так. Есть консультация — когда ты просто рассказываешь про товар. А есть сама продажа. Так вот продажа — это всегда манипуляция. Механизмы изобретены почти сто лет назад психологами. Важно иметь своей кодекс чести, что ли.

— Как в единоборствах?

— Да! Точно! Есть у тебя сила и умение давать люлей.

Но ты используешь эти скиллы только для самообороны и только в крайнем случае. Хороший продавец — прямо как джедай, получается.

Смеется.

5

«Кореец» самоуничтожился на улице Ленина», — листаю ленту местных новостей, пока нет покупателей. «Водитель иномарки не справился с управлением и вылетел на обочину». Всего лишь. Авторам давно пора писать сценарии для новогодних комедий.

Каждый развлекается как может. Мой фетиш — заголовки провинциальных событий. Кретинический гиперболизм через окуляры микроскопа. Гиперболизм — интересное слово. Звучит как зависимость. Или даже болезнь. Когда что-то распухает.

«Ночью оборотень напугал женщину в Центральном районе». Хочется сразу перейти по ссылке и узнать подробности. «Бдительная пенсионерка услышала шорохи и рычания в мусорном баке, испугалась красных глаз в темноте и вызвала полицию. Сотрудники, оперативно прибывшие на место, спасли гражданку от бродячей собаки».

Самые выдающиеся заголовки зачитываю коллегам громко и с выражением.

— Послушайте, — театрально прочищаю горло. — «Двое бывших сослуживцев смогли поделить любовницу только при помощи ножа». Знаете, про что это?

Коллеги накидывают версии. Кто-то вспоминает Декстера, кто-то Ганнибала Лектера.

— Просто два чувака когда-то давно вместе служили, а вечером встретились в магазине. Купили бухлишка и пошли к одному из них. На шумную посиделку пришла нетрезвая соседка. Мужики стали спорить за право первой брачной ночи, если так можно сказать. И один воткнул нож другому в шею. Все просто.

— А дальше что? — не заметил, как подошел Пабло. — Что ты этим сказать хотел? Победитель соседку трахнул в итоге, нет?

Пабло из тех, чей главный аргумент всегда и везде — «И чё?». Он, как актеры сериала «Бригада», пал жертвой сыгранных ими ролей. Веном с планеты 90-х вполне комфортно в нем прижился.

— О, Пабло! А ты как бы сделал? Ты бы трахнул?

Он любит брызгать в меня ядом. Или желчью. Или что там в нем. А я стараюсь публично повернуть его высеры против него.

— Паш, ты на корпоратив пойдешь? Тебя считать?

Паша! Только девочки-кассиры иногда зовут его по имени. Пабло — для всех это шутовское прозвище и даже уничижительное, но не для него. Павел придумал себе легенду, будто кто-то из местных бандитов сравнил его с Пабло Эскобаром. Может быть, от Эскобара был второй подбородок или рано облысевший круг на макушке. Или постоянно поднятый и ненаглаженный воротник футболки-поло, типа «всегда в атаке». Или его телосложение: узкие плечи, тонкие ру-

ки и ноги, но при этом сильно выпирающий живот и бока. Виной всему холостяцкое питание, построенное на майонезе, хлебе с колбасой и пельменях. Нет, кажется, то был Аль Капоне. Вот на кого он похож как минимум лицом.

— Куда идем? — стараюсь не обращать внимания на его бандитский взгляд.

— Есть предложение сходить в такое место, где повар показывает, как готовить, а мы в группах повторяем. Кулинарный мастер-класс.

— О! Это интересно! Я бы хотел поучиться готовить стейки!

— Да, да! С мясом интересно! — коллеги поддерживают меня.

Пабло громко фыркает и тянется за сигаретами, чтобы выйти покурить у крыльца магазина. И всем плевать, что магазин спортивный.

— Ты что скажешь, Пабло?

— Самим готовить? И еще за это платить?! Если контора платит, то купите мне пива и рыбы копченой. Я в стороне посижу.

Он вышел, и все выдохнули. Или мне кажется. Есть такие люди, способные своим плохим настроением изгвнить любую обстановку. Даже просто присутствуя.

— Мясо, стейки... Пойду я, пожалуй, на обед, пока наш друг не вернулся.

Макароны по-флотски в пластиковом контейнере, чтобы

удобно было греть в микроволновке. Гастрит прилагается. Сам заботливо раскладывал. Быстро утоляешь потребность в углеводах на крохотной кухоньке и возвращаешься к покупателям. Здесь мы — батарейки, кончилась энергия — отправляйся в мусорное ведро. Чем меньше ты умеешь, тем проще тебя заменить. Как же хочется скорее сбежать из этого мира продаж! От душных покупателей, от целого дня на ногах, от Пабло...

Пабло! Вот кому можно было бы продать желание! И забрать его душу. Даже не стыдно. Все равно она ему не нужна. Пабло даже не заметит.

Нет, так нельзя. Он еще расскажет всем. Как мне потом работать? Будут смотреть на меня как на идиота.

Пашка — не самый приятный человек, но осознанно лишать его души я не хочу. Не смогу. Он ворчливый, противный, пассивно и активно агрессивный, но не заслуживает этого. Наверняка у него хватает причин так себя вести. Периодически он меня выручает. Не так часто, как местных клиентов-олигархов или симпатичных девушек. Перед ними он стелется, как гиены перед Шер-ханом.

В любом случае, если и искать «покупателей», то среди тех, кому душа уже не нужна. Кто уже потерял шанс на ее спасение. И у них будет желание!

Когда-то давно в эти земли сослали преступников. Потом решили построить завод, а вокруг него уже вырос город Сталелитейск. Рядом только маленькие, добывающие уголь

и руду городишки и села. Генофонд такой себе. Работяги с грязными мозолистыми руками не ищут счастья. У них нет времени. Их мечты можно подержать в руках. Что-то вроде: «дача, Нива, рыбалка». Культура вращается вокруг расслабления: телевизор, алкоголь и сон.

На обочину жизнь выбросила наркоманов, бомжей и мелких преступников, перебивающихся грабежом от сидки до сидки. С последними лучше даже не разговаривать. Нарколыги в агонии могут убить за дозу. Бездомные бродяги не так опасны. И найти их будет проще, обычно они трутся вокруг вокзалов.

А вдруг Петр обманул? Дьявол предложил мечту в рассрочку, за души грешников, а мою трогать не будет. Может быть, это честно. Стоит попробовать. Если это просто злая шутка, пранк, то буду дальше пихать во все издательства свою книгу. Волшебства не бывает.

6

Утром город не выглядит так мрачно. Утром он дышит энергией. Правда, дыхание это как у заядлого курильщика, к которому подкрался рак. Как у пережившего пневмонию — с хрипами и свистами. А сейчас в сентябрьских сумерках появляется ощущение опасности. Город засыпает, просыпается мафия.

Провинция тонет в хрущёвках. Глубина — пять этажей. Болота разбросаны по стране. Чем ближе к вокзалу, тем меньше пластиковых окон на первых этажах. И реже в них горит свет. Деревянные ставни от застройщика не держат краску, не держат стекла, не держат удар жизни — гниют вместе с хозяевами. Тук-тук, есть кто живой? Чем ближе к вокзалу, тем чаще вместо стекол вставлены коричневые куски ДВП, выгоревшие и покрытые сажей. Тем чаще на подоконнике встречается потрепанный тощий кот. Иногда он сбегает в темное квадратное отверстие подвала за едой. Или в поисках любви.

В центре города картина другая — там торчат пожелтевшие зубы девятиэтажек. Они посвежее, и на них лучше виден налет сажи и угольной пыли. Жители там тоже посвежее, коты породистей. Машины во дворах не такие ржавые и часто даже мытые. Стоит на каком-то пяточке возникнуть комплексу многоэтажек, центр города сразу перемещается туда.

Дома выше, людей больше, деньги все там. Где жизнь — там деньги. Или наоборот? Там не нужно спускаться в подвал за едой.

Граффити по дороге от центра к вокзалу рассказывают историю культуры, как в познавательных видео про эволюцию. Сначала это красочные портреты в полдома — там постоянно трется молодежь, оттуда много фоточек в соцсетях, там снимают контент малолетки. Дальше через пару километров на стенах появляются все такие же сочные и яркие непонятные аббревиатуры. То ли это название группировок, то ли это ФИО художников. Арт-объектом это уже сложнее назвать. Вспоминаются высокоинтеллектуальные мысли кого-то просветленного: «Стрит-арт — это искусство, которое слишком легко обоссать». Чувак написал их корявыми буквами баллончиком на стене и вошел в историю. А вот эти художники не войдут никогда. В них нет «соли». Зато соль есть у других — их арт-объекты с номерами телефонов никто и никогда не закрашивает. Мрази! И чем ближе к вокзалу, тем чаще они встречаются на стенах и асфальте. Периодически их обновляют. Ненавижу!

Одна из таких «полезных» граффити начертана на стене привокзального кафе. Владелец повесил рекламу с ценами бизнес-ланча и под углом баннера спрятал ценные цифры. Но искатели сокровищ его нашли и отрезали мешавший им кусок. Какой бизнес — такой и ланч.

Это кафе работает до полуночи. Здесь можно понаблю-

дать за людьми и дожждаться темноты, сидя у окна.

Заказываю кофе по цене банки растворимого. Люди готовы заплатить любые деньги, чтобы не проспять свой поезд. Другие люди этим пользуются. Рыночные отношения — ничего личного. Гудит кофемашина. На витрине под прозрачной пленкой лежат коричневые жареные пирожки, пропитанные маслом тысячелетий. Ходят легенды, что в этом масле жарили еще до соприкосновения сфер, и никто так и не осмелился его поменять. Наверняка в этом масле можно уничтожить даже кольцо Всевластия. Улыбаюсь. Тут так не принято. Совсем забыл! Повелительница стойки в синем фартучке хмурит брови. Думает, что я смеюсь над ней. Значит, не сработаемся. Перестает гудеть кофемашина. Тетя из бездны достает дымящийся стаканчик и выплескивает мне в лицо. Нет! Но могла бы. Как минимум подумала об этом. «Пжалста!» — сквозь зубы. Киваю и отваливаю.

Вдоль витражных окон растянута узкая синяя стойка. Посетителей немного. Прячусь в самом углу, взбираюсь на высокий стул с потрескавшейся синей обивкой и пробую кофе. Горячий кислый и одновременно горький кипяток цвета разбавленной нефти. На столе стоит сахарница с трубочкой. Переворачиваю и пробую потрясти, но нет — песок превратился в кирпич. Придется пить так. Кофе как символ этого города. Можно так и написать на въезде в Сталелитейск — город со вкусом горького американо и кислых щей. Добро пожаловать!

Сквозь панорамное окно кафе наблюдаю за потоками людей на улице. Поздние сумерки окончательно поглощают остатки солнечного света. Темнота становится гуще, но никто не собирается включать фонари — администрация экономит на новый Лексус. Спасают вывески магазинчиков и свет проезжающих машин.

Бродяги и попрошайки, навьюченные своим скарбом, тянутся от вокзала в сторону ближних дворов. Летом там можно спать на лавочках у подъездов, в кустах сирени или на детских площадках, пока их не прогонят родители «ранних пташек». Скоро ноябрь загонит их в подвалы и на колодцы, у некоторых получится спастись в подъездах.

Навстречу бесформенным живым сгусткам мусора в сторону вокзала двигаются безликие — неприятные и очень опасные личности. Часто худые, сутулые, обязательно во всем черном, под капюшоном или козырьком кепки, надвинутом глубоко, чтобы спрятать глаза. Никто не должен видеть их мысли, никто не должен запомнить их лица. Они сделали все свои дела. Нет, дела у прокурора, у этих исключительно делишки. Теперь они возвращаются неузнанные в ближайшие крохотные города и села, чтобы залечь на дно. Возвращаются непойманные. Возвращаются с добычей.

Кофе остыл окончательно, оставив во рту привкус самых

дешевых сигарет на утро после жесткой попойки. Зажглись фонари. У силуэтов появились лица.

Вот старенький сгорбленный бродяга лет ста тридцати — им всегда на вид столько — останавливается возле входа в кафе, опускает на асфальт свои узлы и засовывает обе руки по локоть в мусорку. Через несколько секунд вытаскивает из урны бумажный сверток с чем-то недоеденным, подносит к свету от двери, нюхает и убирает в один из своих кульков. В нем нет ничего пугающего или опасного для жизни. Даже появляется желание ему как-то помочь.

Старик взваливает на себя всю свою жизнь, распиханную по грязным сумкам. Мозолистыми шагами, как по углям, он продолжает свой путь и сворачивает во двор.

Сейчас! Нужно его найти. Выбегаю на улицу. Защитная пелена адреналина мешает дышать. Пьяный Трэвис Баркер сегодня на барабанах — сердце не держит ритм, стучит по ушам, как демон!

Нагоняю его за пять шагов. Вот он, сидит на подъездной лавке, раскрашенной всеми цветами радуги. Рядом в клумбах из резиновых покрышек растут какие-то пестрые ромашки. Там же пара белых лебедей, вырезанных из тех же покрышек — переработка мусора в прогрессивной стране. Вонь нарастает по мере приближения. Не нужно быть Геральтом из Ривии, чтобы с закрытыми глазами пройти по следам бомжа.

Подхожу к подъезду в лучший момент — бродяга мочит-

ся на подъездную дверь. Как начать разговор? Ритм, держи ритм! Сердце колошматит басами в ушах до хрипа. Мало воздуха, хватаю жадно ртом. Вокруг кислорода нет — он отравлен. Сдерживаю рвотный порыв. Как так можно вонять? Как так можно жить?! Желание! Он должен хотеть это изменить! Смердящее чудовище разворачивается и, зажав одну ноздрю, смачно сморкается. Зеленый сгусток вылетает не до конца и повисает на бороде. Сейчас меня вырвет. Сморкается второй ноздрей, сопля остается на руке. Бомж вытирает ее о штаны.

— Че те надо? — рычит на меня.

— Желание...

— Че?! — хриплый крик разлетается в темноте двора.

— Помочь хочу тебе...

— Аррр?

— Хочу помочь тебе! — собрался и говоришь. — У тебя есть мечта? Или желание? В обмен на душу... Могу исполнить...

— Че?! Вали отсюда!

Идет в мою сторону, широко расставив руки. Но пугает не он, а его прикосновения. Вдруг он коснется меня и чем-нибудь заразит. Или его вонь передастся и мне. И я тоже стану через пару дней таким же конченным и мерзким, как он. Еще эта желто-зеленая сопля в бороде... Нет!

Бежать!

Остановиться смог только в ванной. Одежду в стирку. Мо-

чалкой почти снял кожу, чтобы отмыть вонь. Как избавиться от запаха? Он теперь преследует меня. Он передался мне? Мы — Веном? Супергерой, которого мы заслужили.

Стиви подходит и трется о ногу, значит, я ничем не заразился и не стал таким, как тот бородатый монстр. Это успокаивает. Пытаюсь погладить кота, но тот уворачивается от моих прикосновений, как Нео в «Матрице» от пули. Ласки должно быть ровно столько, чтобы обратить на себя внимание. Руками не трогать. Нужно покормить пушистого, весь день же ждал.

8

— Всего доброго! Приходите! — улыбаюсь искренне, от души.

— Спасибо, Александр! Обязательно вернемся! — кивают довольные покупатели.

Так легко продавать, когда человек понимает, что чего-то хочет. Когда есть хотя бы какой-то намек на желание. Когда он сам пришёл к тебе за этим.

Сейчас начало сентября — люди хотят отдыхать на природе, поэтому приходят к нам за палатками и спальниками. Они знают, что им нужно. А бродяга вчера не знал.

Есть же четкие этапы продажи, не зря про них столько книг написано. Надо действовать по ним, как учили на тренингах.

Первый этап — контакт. Все начинается с установления контакта. Как это сделать, чтобы начать диалог с таким... монстром? Что я могу у него спросить?

«Не знаешь, где здесь 25-й дом?»

Можно, но так люди не говорят. Я же не методичку вслух читаю.

«Какой это номер дома?»

Да, похоже на правду. Сразу послать не должен. Что дальше? Вопрос, чтобы расположить к себе. Нужно спрашивать о нем — люди любят, когда ими интересуются. Особенно по-

купатели: им тогда кажется, что продавцам от них нужны не только деньги.

«Ты ночуешь здесь, что ли? Может, помочь чем?»

Отлично! И дружелюбно, и с заходом на потребности.

Самое главное в работе любого продажника — этап выявления потребностей. Если неправильно понять покупателя, будешь предлагать ненужный ему товар. Значит, потом придется отрабатывать возражения. Что может возразить мне этот сгусток вони?

Морщусь. Он до меня даже не дотронулся, а я весь день не могу перестать чувствовать запах ссанины, пота и помойки, возведенный в абсолют. Самый дикий парфюмер выделил едкий экстракт гниения человеческой жизни и вылил на того бомжа. Именно так и пахнет разложение личности. Преподавайте это в школах. Дайте понюхать его двоечникам и прогульщикам.

Как правильно предложить желание? С чего зайти?

Допустим, он хочет стать богатым и никогда больше не бомжевать. В какой момент исполнится такой запрос? Как это вообще работает? Петр не дал инструкций.

Да и предложить решение всех его бродячих обоссанных проблем будет не так сложно. Как назвать цену?

«Ты можешь пожелать, чего захочешь! Взамен мне нужна твоя душа».

Как это сделать, чтобы самому не засмеяться? Как же глупо! И отпугивает любого здравомыслящего человека.

«Просто поставь подпись. Это будет значить, что твоя душа...»

Не так!

«У меня для тебя предложение...»

Теплее. Какое?

«Любое желание в обмен на душу. Тебе просто надо расписаться на моей ладони. Вот здесь».

Приемлемо, но нет выгоды. Выгода — то, зачем покупатель приходит, и то, за что платит деньги. В чем выгода бомжа, отдающего душу? Надо что-то добавить... Что-то, начинающееся с «ты сможешь», «у тебя будет возможность», «ты будешь».

«У меня для тебя предложение: любое желание в обмен на душу. Ты сможешь получить все, что захочешь. Просто распишись на ладони».

Звучит терпимо. Сразу хочется задавать вопросы: «А когда душу заберут? А когда желание исполнится? А это больно? Я что-нибудь почувствую?»

Где мне взять столько ответов?

Нужно пробовать. Пока я смог только убежать. Даже отмыться не получилось.

Что там дальше по учебнику? Этап отработки возражений. Чаще всего, это последствия ошибок продавца. Неправильно установил контакт, плохо выявил потребности. Предложил слишком много товаров. Какие могут возражения у такого покупателя? Кроме того, что продавец — идиот, ни-

каких!

Ну а что он скажет? Что душа — это слишком дорого?! Или что миллион сикстильярдов долларов — это слишком мало?! Или чего он там пожелает.

Как же сложно.

Чего бы хотел я, если бы оказался на его месте? Денег? Здоровья? Дом и семью? Быть любимым? Счастья?

Скрипит входная дверь магазина.

— Драсте! — Пабло в деле, с него можно писать пособие, как делать не нужно. — Вопрос какой-то?

— Добрый день. Скажите, пожалуйста, у вас есть складные велосипеды?

Почтенного вида старичок с тряпочной котомкой — сейчас все называют такую шоппером, поправляет толстенные очки, которые из-за тяжести все время соскальзывают с его носа.

— Есть, а вам зачем? — видимо, Пабло решил, что у дедушки нет денег, поэтому не стоит тратить на него время.

— К... Кататься?

— Вы меня спрашиваете?

— Нет, — старик окончательно разволновался. — Я хотел бы кататься... И хранить, чтобы... Удобно было.

— А, ну тогда пойдем покажу.

Уходят в другой зал, не могу расслышать слов. Пара минут — и дед семенит к выходу, снимая очки и убирая в карман выцветшей курточки.

— Я курить хочу, а старый со своими складными великами! Купи обычный и катайся. Нет же, надо складной! Пенсии не хватит!

Пабло достает из пачки сигарету и выходит следом за несостоявшимся покупателем.

В следующем месяце, когда придет время получать премию «в конверте», он будет ныть, что у него меньше остальных. И виноваты в этом будут все, кроме него. Если жизнь — говно, но ты при этом Д'Артаньян, то можно ничего не делать. Лучше сходить покурить. Найти виновного во всех бедах проще, чем взять ответственность на себя и начать что-то исправлять.

9

Вечером сразу после работы почти бегу в «любимое» кафе на вокзале. К нему ведет улица Курако. Названа она в честь известного металлурга, но для гостя нашего города или иностранца звучит наверняка опасно. Как что-то ядовитое, смертельное, угрожающее. Кур-р-р-рако! Как боевой клич берсерков. Есть еще улица Тореза, названная в честь генсека Французской Коммунистической партии Мориса Тореза. Если этого не знать, то слово обретает пугающее звучание. Как наказание у Якудзы — «сделать тореза». Или даже попытка это такая. Тор-р-р-рез-з-за! А ведь есть еще улицы Фрунзе и Орджоникидзе. Сколько рычащих и звенящих! Маяковский смог бы из этих слов написать что-нибудь ядерное. А еще есть улица ДОЗ, на ней расположен крупнейший торгово-развлекательный центр, там постоянно собирается молодняк: от школьников и студентов до вечно молодых престарелых. Конечно, ДОЗ — это аббревиатура Деревообрабатывающего завода, но я все время представляю какого-нибудь друга, который приезжает ко мне в гости из каких-нибудь Москвы или Питера и спрашивает, где у нас можно потусить, где молодежь вся? И я ему говорю вот в этом ТРЦ, это на улице ДОЗ. На ней должен располагаться самый зловещий и прогнивший притон, или нарколечебница, или просто закрытый район исключительно для наркоманов. А мо-

жет быть, и все вместе.

Снова сводит лицо от фирменного американо. Сегодня как будто с желчью вместо сиропа. Всегда думал, что именно это мерзкое ощущение и есть эффект кофеина. Что именно так и бодрит кофе. Еще глоток. Передергивает, как после любого дешевого вина из трехлитровой коробки с крапиком. Мы часто баловались таким на студенческих вписках — бесценные знания тех лет. Как и необходимость обязательной контрацепции. Всё на своих ошибках. Всё через ёршик в уретре.

Темнеет быстро. Большие красные цифры на вокзале показывают 21.00. Еще час-полтора — и настанет время грешников. Порядочные люди вернутся в свои скромные квадратные метры семейного счастья, чтобы готовиться к следующему рабочему дню. Рисковать в это время своими ценностями на улице желающих нет.

Вот! Этот вроде не такой запущенный, как вчерашний. Мимо окна быстрыми шагами проходит сгорбленная фигура с несколькими набитыми пакетами. Выбегаю. Этот не оставляет за собой ядовитого шлейфа вони. Он суетливо, скорее, на автопилоте наклонил урну, секунда — и пошел дальше. Видимо, слишком темно. Или есть дела важнее.

Иду за ним вдоль нескольких домов, потом ныряю следом в арку. Только над одним из подъездов горит тусклый фонарь. Он уже не светит, а, как маяк, показывает, что где-то рядом берег. Наблюдаю за новым другом на расстоянии

нескольких шагов, надеюсь, что темнота прячет меня. Бродяга достает из сумки газету и садится на нее. Сам он замараться сильнее уже не мог. Видимо, местные бабки — хранительницы священного порядка — уже напихали ему за посылки на их лавке. У них чутье на появление алкашей, наркоманов и бомжей на их территории.

Бородатый почти не разгибается. Все делает быстро, от суеты или с похмелья трясутся руки. Из засаленной тканевой сумки вытаскивает коробочки с картошкой-фри и кладет рядом. Вряд ли купил, скорее, достал из мусорки или выпросил. Из-за пазухи материализует стопарик — одноразовое бухлишко. Обычно такое можно купить в табачках или на кассе в несетевых продуктовых с покосившимися вывесками типа «Успех» на первых этажах хрущевок. Стопарик — лучшая награда для него, как святой Грааль для Индианы Джонса.

Сейчас? Или подождать пока выпьет? А вдруг он потом не сможет говорить? И будет рычать, как вчерашний. Сейчас.

— Извините, — выхожу на свет, встаю сбоку, как учили на тренингах по продажам. — Не подскажите, какой это дом?

Ноги трясутся, как десять лет назад, когда пытался подойти и заговорить с моим самым первым покупателем.

— Двенадцатый, — он не смотрит на меня, пытается подцепить опухшими грязными пальцами фольгу на стакане.

— О как! — ну же, давай поговорим. — А пятнадцатый не знаешь где?

— Неа.

Он замирает, смотрит перед собой, потом на меня. Хмурится.

— Пятнадцатый? Это тебе через дорогу надо. На той стороне дворы.

— Спасибо большое!

— Угу.

Стоять! Нельзя уходить! Скрипт! Придерживайся плана!

Что там дальше?

— Может, тебе помочь чем? — голос дрожит.

Бродяга медленно на глаз оценивает мои способности. Потом одним уверенным движением дирижера наконец срывает фольгу, звучно выдыхает и отводит локоть в сторону. Глядит мне прямо в глаза и не разрывая контакта, выпивает весь стакан одним глотком, вливая дешевую водку в самую душу. Его счастье на мгновение передается и мне.

Душа!

— Помочь говоришь? — двумя толстыми пальцами почти без ногтей он ковыряется в коробочке с картошкой. — Спирту хочу. Есть у тебя?

Что ответить? Есть? Или, возможно, есть?

— Есть, — кое-как выдавливаю из себя, как самые остатки зубной пасты из смятого тюбика, а они плюхаются в раковину.

— Много?

— Сколько скажешь.

— Литр.

Бородач распрямляется и мысленно уходит в мир блаженства. Или это мечты о спирте. А может, водка уже опустилась в пустой желудок.

Сейчас? Если не получится, убегу. Он же меня не знает!

— Литр спирта? — Вдох, выдох. — У меня для тебя предложение...

— Денег, — высыпает остатки картошки в рот, — нет.

— Мне не нужны деньги.

Настораживается. Нужно успокоить, чтобы не вспугнуть.

— Я продаю желания в обмен на душу.

— Чё?!

Он громко отрыгивает и сипло смеется. Остатки картошки, застрявшие в бороде бомжа, сыпятся на асфальт.

— Получается, я могу и два литра заказать?

— Можешь, — уверенно и холодно. — Сколько нужно.

Опять начинаю глохнуть. Как тогда, во время разговора с Петром. Не слышно птиц, листва не шелестит от ветра. Время густеет вокруг нас.

— Хочу пять! Нет! Десять литров спирта! Только не паленого!

Его хриплый голос в вакууме звучит еще громче.

— Хорошо.

Откуда у меня эта уверенность?

— Чё сделать-то нужно?

Бродяга начинает суетиться, хлопает себя по карманам,

соскакивает с лавки. Газетка прилипла к штанам, он ее сдерживает и отбрасывает в сторону.

— Нужно поставить... — ручка, я забыл ручку! — Подпись...

— Это я могу! — его руки трясутся еще сильнее, когда он вытирает их о свою куртку.

Последний шанс.

— У тебя есть ручка?

Он замирает. Смотрит на меня испуганно, как будто решается его судьба. Его счастливое будущее превращается в смятую фольгу от стопарика. Кидается к своим сумкам, начинает в них ковыряться. Потом встает перед подъездной дверью и высыпает все содержимое в самое освещенное место площадки.

— Вот! Где расписаться?

Он идет ко мне, сжимая в руке обыкновенную шариковую ручку, как олимпийский факел. С гордостью героя страны. Наконец-то и он смог пригодиться Родине. Ручка замотана сначала синей изолентой, потом нитками, в них воткнута толстая иглолка. Стержень еле торчит.

— На ладони, — протягиваю ему руку.

Грязные липкие пальцы сжимают мою ладонь. Второй рукой выводит роспись.

— Только давай в двух канистрах по пять литров...

Он что-то еще бубнит, но барабаны в ушах забирают слова. Ладонь вспотела от волнения. Ручка перестает пи-

сать. Приходится несколько раз обводить, сильно нажимая на стержень.

— Пойдет?

Смотрю на руку. Буквы горят, как будто на свежую рану брызнули антисептиком или йодом. Мама, когда мазала мои ссадины, всегда говорила: «Будет щипать — подуй».

— Наверное...

— Где спирт? — вертит своей немой башкой по сторонам. — Что-то я не вижу! Или, может, душа у меня неподходящая?!

Он замирает.

Вакуум выключился. Тишина начинает развеиваться.

— Это?..

На полусогнутых ногах, крадучись, чтобы не вспугнуть, он скользит в сторону лавки. Опускается на колени и достает из-под нее две пятилитровые фляги.

— Это...

Медленно откручивает крышку с одной, нюхает.

— Это же...

Проверяет вторую.

— Не бывает...

Спокойно! Тихо! Да не может быть! Как теперь это все закончить?!

— Мне пора!

Ноги сами толкаются и уносят меня по темному двору.

Кот начинает орать на меня с порога. Чувствует что-то?

Вдруг это правда, что они с темными силами как-то связаны. Наверняка, этот дьявол Петр может кошками управлять. Иду первым делом в ванную, чтобы смыть отпечатки жирных грязных пальцев бомжа и его роспись. Наливаю на посудную губку «Фэри» и тру изо всех сил. Не оттирается! Неужели все десять автографов останутся на всю жизнь?! Кровь пульсирует в висках. Страшно. Нет, чернила смылись, остался только красный след закорючек, как стигматы.

Пройдет.

Кот не унимается, сильно, почти с разгона трется боком о ногу.

— Ты что-то чувствуешь, Стиви? А? — Наклоняюсь к нему и глажу.

Он отпрыгивает и бежит на кухню. Я за ним. Сидит около пустых тарелок и орет. Ну конечно, забыл ему корма оставить и воды налить утром.

— Прости, Стивочка! Прости, пушистый! Виноват...

Кормлю его, потом себя. Чай пьем вместе в комнате. Проверяю почту, издательства молчат. Но это временно.

Чувствую, как возбуждение наполняет легкие и хочется крикнуть.

— Да!

Значит, это работает! Значит, когда я сделаю десять продаж... Нет! Уже осталось девять! И я смогу загадать свое желание! Я стану писателем. И меня напечатают большим тиражом. Заткну всех на работе. Мама обрадуется. Книга ста-

нет известной, и смогу уволиться...

Главное — не забывать ручку!

Весь следующий день торгую, как боженька. Велосипеды, сноуборды, одежда — клиенты кланяются, просят оставить номер телефона, чтобы порекомендовать друзьям. Я улыбаюсь, а в голове мысли о вечере. Еще одна попытка.

— Дайте книгу жалоб, хочу оставить благодарности Александру! — восклицает мама двух мальчишек, которым я только что продал самокаты. — Супер! Мы очень довольны консультацией! Сразу видно — человек на своем месте.

О, нет! Надеюсь, вскоре покинуть это место. Уже через девять желаний.

— Ваше начальство же читает этот документ? — листает книгу до чистой страницы. — Надеюсь, вам выпишут премию...

Начальство книгу жалоб не читает. Только если не придешь с ней сам, типа: «Я сделал!» Премию точно никто не выпишет, в пример не поставит. Не реагируют и на плохие отзывы, потому что руководство в провинциальном малом бизнесе очень часто на стороне своих ценных кадров. И вместе с этими кадрами руководство уверено, что клиент всегда гандон. Не всегда, но точно в тех случаях, когда пишет жалобу, потому что это «не по-пацански». «Клиент всегда прав» когда-нибудь доберется и в наш город. И это не связано с конкуренцией, просто пока в стране деньги дороже людей.

Как, например, в больницах написание отчетов важнее здоровья пациентов.

— Значит, Сашок, на своем месте ты у нас? — Пабло дождался, пока выйдет довольное семейство. — За твое балабольство место тебе уже определили!

Его противный гогот не улыбнул никого из коллег.

— Мое балабольство всегда уместно и радует людей. А твое только воняет куревом и колбасой.

Раунд. И если бы мы с Пабло не знали друг друга... Если бы не эта работа... У меня все меньше и меньше аргументов, чтобы не продавать ему желание. Чтобы не отобрать его душу.

Вечером мерзкий кофе как ритуал. Нужно все повторить, как вчера, чтобы не спугнуть удачу. Читаю записанный на листочке скрипт продажи желания. Сложно сосредоточиться.

Я это делаю ради своей мечты.

Я не делаю ничего плохого.

Я как волк — санитар этого гнилого города. Города грехов и всратых желаний.

Почему вчерашний бродяга не загадал бесконечные богатства?

Или квартиру?

Или работу?

Счастье?

Может, он не верит в ценность своей души?

Вот интересный кадр. Идет с полуоткрытыми глазами. То и дело запрокидывает голову назад, потом резко останавливается, стоит пару секунд и двигается дальше. Как будто пьяный, но не падает. И на больного не похож. Наркот конченный.

Обычно такие висяки не ходят по одному. С ним должен быть еще один, не вмазанный или уже отошедший, чтобы контролировать товарища. Вот этот. Держится в трех шагах сзади, но догоняет, чтобы подтолкнуть залипшего в текстах друга. Из безликих — под козырьком и капюшоном, в черном одеянии и темноте.

Друзья-спортсмены называют таких мразей норисами. Но это как-то просто, прозрачно, что ли, на поверхности. Я бы назвал их медоедами — готовы на все ради «вкусняшек», даже смертельное для многих живых существ количество яда их не пугает. Ненавижу!

Такие гарантировано продадут душу за порцию химической радости. И душа у них точно не в цене. Главное — чтобы не убили в порыве благодарности. А то бывали случаи. У таких типов нет стоп-крана. Эти вроде не выглядят опасными.

Пора.

Через два дома тьма арки поглощает обоих. Следом и меня. Все подъезды спят, ни одной лампы. Только у школы на высоченном столбе горит фонарь, создавая круг белого спасительного света. Иду туда.

— Зём!

Верчу головой по сторонам, но не вижу никого. Из-за слишком яркого света темнота становится густой и непроницаемой.

— Зём, выручай по-братски! — на границе белого круга стоит «нормальный», который в кепке и капюшоне. — Зажигалкой угости. Или спички. Есть у тебя?

— Нету...

Растерялся. Можно это использовать как желание? Старшие пацаны со двора учили, что таким нельзя говорить «не курю», а то могут спросить за спортсмена.

За спиной «нормального» в паре шагов появляется «ужаленный». Видимо, пришел на голос друга. Он останавливается, запрокидывает голову и стонет. «Нормальный» оборачивается.

— Стой там! — как команду непослушной собаке бросает своему корешу.

— Может, вам помочь чем? — нужно пробовать продавать.

— Ну, помоги, — ухмыляется.

Не вижу его лица, только тонкие синеватые губы и острый угловатый подбородок без щек.

— Меня с утра ломает, а это говно, — кивает в сторону пускающего слюни за спиной товарища, — мою половину употребил.

Подкрадывается тишина. Все звуки становятся дальше.

— И? Тебе доза нужна? — давай, формулируй потребности.

— Ну.

Время вокруг нас превращается в гель. Уши закладывает вакуум.

— Тогда у меня для тебя предложение, — аккуратно подчеркиваю жестами рук слова, разворачивая ладони вверх, чтобы норис-медоед видел их и не чувствовал опасность. — Я тебе грамм, а ты мне душу.

Он поднимает голову, чтобы козырек кепки не мешал ему лучше разглядеть мое лицо. Черные синяки под ввалившимися удивленными глазами говорят о том, что ему сейчас гораздо хуже, чем вмазанному другу.

— Слыхал? — он поворачивается. — За душу, говорит. А деньги не надо, что ли?

— Одно желание — одна душа. Это фиксированная цена.

Видимо, ему так херово сейчас, что он готов поверить в любой бред, чтобы скорей вернуть блаженное состояние овоща.

— Чё делать надо?

— Вот тут распишись, — протягиваю ручку и открытую ладонь.

— Пряма на руке, что ли?!

Киваю. Сердце стучит так громко, что в этой тишине должно разбудить спящих жителей ближних домов.

Он рисует высушенной трясущейся рукой непонятную за-

корючку и делает шаг назад.

— Все?

Сердце стучит еще быстрее и громче. Как будто Кинг-Конг внутри груди схватился за прутья клетки и шатает ее. Где будет его доза?! Лавки здесь нет! Убираю ручку в карман толстовки. Палец касается какого-то уголка. Достаяю. Рассматриваю на свету маленький квадратик, перемотанный изолентой.

— Ну ты волшебник! — он сразу понимает и протягивает руку.

Скорей отдать эту срань!

— От души, зём!

Тишина перестает бить по ушам. Снова слышно стоны «ужаленного». Ветер шелестит желтеющей листвой. В одном из домов кто-то громко смывает унитаз.

Норис поворачивается к своему напарнику, выходит за границы светлого круга.

— Пойдем, чертила! — командует товарищу и растворяется в темноте.

И всё?

Домой!

Вечерняя пробежка, чтобы не хапнуть неприятностей. Ничего, кроме удовлетворения и измученности. Адреналин и страх выжимают меня. Нет сил даже на душ. Кот замерз, но под одеяло не лезет, сворачивается клубочком в ногах.

Я делаю хорошее дело. Таких, как эти, не жалко. Он ведь

мог навсегда исцелиться от этой зависимости...

В голове Jane Air рассказывает омерзительную историю наркомании:

«Чувак, заткнись и попытайся расслабиться.

То, что происходит, мне совсем не нравится.

Что я знал о Junk'e?»

Легенда из моего 2007-го. Только сейчас понимаю весь ужас этих историй из песни. В таком бы формате рассказывать в школе о реальных последствиях наркомании. А не рисовать с детишками зачеркнутые шприцы.

Теперь я еще ближе к своей книге, к известности, к богатству.

Нужно проверить почту. Вдруг предложение от издательства упало в «Спам».

Интервью

— Ты родился и вырос в маленьком провинциальном городе. Работал больше десяти лет продавцом спорттоваров. Как-то это повлияло на твое творчество?

— Сильно, — писатель закидывает ногу на ногу, сплетает пальцы на коленях. — Я от природы наблюдательный очень. А на работе через меня прошло много людей за эти годы. И это разные люди. Принципиально.

— Как это?

— Были те, кто экономят каждый рубль. И ради этого готовы были на другой конец города ехать. А были и те, кто с закрытыми глазами тратили по полмиллиона, даже не посмотрев на ценники. Олигархи прямо. Были такие, кто хотели казаться богатым, но скидку выпрашивали и торговались до последнего, аж противно.

Морщится, но продолжает.

— Еще очень показательны все эти разные люди в отношениях. К детям, например. И как между собой разговаривают. Все же наличие денег сильно влияет на культуру внутрочеловеческую, что ли.

— Получается, деньги решают все? — журналист пытается вытащить героя своего интервью на острые откровения.

— Да нет, не деньги это. Принципы жизненные. Рыночные.

— Можешь объяснить?

— Я вот заметил, что одним из показателей... Кхм, уровня жизни. Уровня культуры этой жизни. Являются часто употребляемые в обществе поговорки.

— Например?

— «Хочешь жить, умей вертеться». «Не мы такие, жизнь такая». Это просто хиты. О чем они говорят? О полном отсутствии понимания ответственности. Делай, что хочешь, главное — незаметно. А если поймают, то виноват всегда кто-то другой. Жизнь заставила.

— Ну, есть же и хорошие поговорки...

— Есть, конечно. Но чаще я слышу именно эти. Или вот еще лидер моего чарта: «С волками жить — по-волчьи выть». Типа если кто-то тебе поднастрал, значит, ты можешь и должен настрать в ответ. И в итоге живем все в свинарнике. О чем тут говорить? «Работа не волк», «деньги не пахнут» — тоже широко распространены.

— А как же «без труда не вытянешь» ...

— Смеешься?! — перебивает журналиста. — Все хотят «И рыбку съесть, и чешую выплюнуть». Понимаешь?

— Это да...

— Все это своего рода ярлычки. А сколько еще цитаток из пацанских пабликов в ходу? Пока так происходит, у нас и менталитет будет соответствующий.

— Как думаешь, что нужно сделать, чтобы это исправить?

Традиционный кофе за липкой стойкой у панорамного окна привокзальной кафешки. Нет, в этот раз как будто что-то изменилось. Кофе не такой противный. Похоже, почистили кофемашину или поменяли сорт кофе. Ха! Сорт кофе! Хорошо, если здесь умеют правильно склонять это слово.

Два из десяти. Два из десяти. Два из десяти! Это двадцать процентов. Это пятая часть от необходимого. Это осталось еще восемь. Еще восемь желаний, и я стану известным писателем!

За два дня на работе выполнил недельный план по продажам. И совсем скоро пошлю все эти цифры нахер. Больше всего напрягает Пабло. Сейчас я стал сильно чувствителен к его подколкам. Он заставляет меня сомневаться в себе. А мне сейчас как никогда необходима уверенность. По сравнению с норисами и бомжами у Пабло есть шансы. Лишать его души было бы неправильно. Все же коллега, знаю его несколько лет. Да и не всегда он таким был. От этого не легче.

Стемнело, но фонари на улице не включают. Как будто решают сэкономить еще несколько киловатт для себя. Если бы энергию можно было унести с работы, то её давно бы растащили по своим печкам и стиральным машинам.

Я его знаю!

Мимо моего окна на раздолбаной ржавой «Каме» катится, объезжая прохожих, один из нежелательных клиентов нашего магазина. Мы прозвали его Маугли за нестриженную грязную вонючую кудрявую гриву до плеч. Мужичок лет сорока отравлял все пространство вокруг себя едким густым запахом мусорного ведра, которое не выбрасывали несколько недель. Изъяснялся он с трудом из-за какой-то болезни, говорил быстро и жевал слова, поэтому приходилось постоянно переспрашивать.

Его кудлатая шевелюра и очки с толстыми треснувшими стеклами, заляпанные и перемотанные изолентой, выделяются из любой толпы. К багажнику скрипучего велосипеда приделано пластиковое ведро из-под краски, из него торчит веник, совок и какие-то тряпки. В корзинке на руле, связанной разноцветной проволокой, лежит мятый пакет. То и дело он нажимает на крякающий клаксон. Прохожие шарахаются, морщатся и кидают в спину проклятья.

В лицо он меня помнить не должен. Приезжал к нам чинить свой велик только летом, пока механики не послали его из-за отсутствия платежеспособности и из-за непомерного желания поздороваться за руку. Так что относительная безопасность мне гарантирована. Он заворачивает во двор в трех домах от кафе.

— Чё ты сюда таскаешься?!

Большая женщина в заляпанном фартуке стоит сзади, так, чтобы я мог ее видеть. В руке липкая лента для ловли мух с

множеством трупов, которую она, видимо, только что сняла с потолка.

— Я?

— Жало точишь свое здесь! Маньяк, что ли?!

Она специально напрягает связки, потрёпанные дешевыми сигаретами и водкой, чтобы все в округе могли услышать ее. На этот клич оборачиваются немногочисленные посетители.

— Нет! — пытаюсь встать, чтобы отстоять свою честь.

Бабища напирает на меня, ее морда вся в шрамах от угрей в нескольких сантиметрах от меня. Крючковатый злодейский нос идеально подошел бы Волан-де-Морту.

— Ходишь тут, пыришься в окно! Выглядываешь кого-то!

Изо рта воняет гниением и только что выкуренной крепкой сигаретой. Приходится отвернуть от нее голову. Недовольных взглядов вокруг становится все больше.

— Чё там у тебя за записки?! Ну-ка!

Она пытается вырвать у меня сценарий продажи, но я ее отталкиваю. Тушка начинает заваливаться на соседний стул у стойки. Бежать!

Овца! О каком сервисе может идти речь, пока такие люди работают в сфере услуг?! Надо было предложить ей желание. Вот уж кому точно не нужна душа!

Забегаю во двор, куда свернул Маугли. Темно, но над парой подъездов горят тусклые лампы. Может, мне повезло, и он припарковался на какой-нибудь из этих лавок.

Вдоль соседних хрущей кто-то плетется в сторону гаражей за домом. Туда идти страшно. Это когда ты ребенок, готов шариться там хоть двадцать четыре часа в сутки, пока мать не загонит. Попробую догнать его.

Пока добежал до угла дома, силуэт ушёл в кусты. Туда лезть опасно. Там может прятаться кто угодно: от бродячих алкашей до ширяющихся наркоманов. Нужно вернуться к подъездам, к свету и поискать в людном месте.

— Пстой! — негромкое эхо уносит хриплый голос в сторону гаражей.

Поворачиваюсь. Кто-то вылезает из кустов. В темноте сложно разглядеть. Медленно подходит.

— Эт ты, — как будто улыбается. — Я узнл тбя...

Приглядываюсь. Это любитель спирта! Смотрит на меня увлеченными пьяными глазами.

— Спирт... Ска, хороший! — почти поет. — Еще хчу...

Этот неопасный. Можно выдохнуть.

— Больше нет, — развожу руки в стороны.

— Как эт? — похмельное счастье сменяет сначала гримаса боли, потом ярости. — Как эт нет?!

— Желаний больше нет...

— Ты эт! Дуришь мня!

Из глубины своих грязных рваных тряпок он достает нож. Ржавое лезвие даже не блестит в темноте, но конец острый, легко может войти в меня сантиметров на десять. Бродяга хватает за толстовку и притягивает. Перегар, ссанина и му-

сорка — ядовитое комбо.

— Спирт...

Хлопок!

Дед качнулся в сторону, его пальцы разжались.

— Ты чё, гнида?! Я говорил, чтобы вы, мрази, тут больше не шлялись!

Молодой парень отпихивает бородатого в сторону и подходит ко мне.

— Ты как?

Киваю. Говорить пока не получается.

— Это все из-за вокзала...

Он не договаривает. Дальше только хрипы, и почти сразу бульканье.

За его спиной стоит бродяга, а из шеи парня торчит рукоятка ножа. Через мгновение черный вонючий силуэт скрывается в кустах.

Какого хера?!

Зачем он его убил?!

Что же делать? Что делать?

Парень лежит на боку и хрипит, из его горла вытекает кровь.

Бежать!

Быстрее!

Дом. Еще один. И еще. Нужно остановиться.

Дышу, как загнанный пёс. Сердце колотится, чувствую его кадыком.

Вызвать скорую? Нельзя. Они определяют мой номер и сдадут ментам. А те скажут, что это я сделал. Ведь свидетелей нет.

Еще не поздно. Люди идут с работы. Найдут его и позвонят в скорую. Он выживет.

Бежать!

Нужно бежать как можно быстрее, чтобы организовать алиби. Если что, я сидел дома, когда парнишку убили.

Нет же! Не убили! Его спасут!

Да, так и будет!

А что сказал бы полиции? Что я там делал ночью? А если бомжа этого найдут, и он им про спирт расскажет?

Бежать.

Нет. Домой не смогу. К маме! Нужно поговорить.

— Привет, мам! — запыхался сильно.

— С тобой все в порядке? — волнуется, нельзя было приходить, теперь не уснет.

— Да? Да...

— Ты убегал от кого-то? — осматривает меня.

— Ага, — все еще не могу ровно дышать.

— Почему не дома?

— Так вышло... Девушку провожал... А там район...

— Все хорошо?

— Не совсем... Налей чаю.

Рассказываю, как на обратном пути напали гопники. Как за меня вступился парнишка и его начали бить, а я убежал.

— Главное, что ты цел.

Для мамы это всегда самое важное. Пусть даже я буду последней гнидой. Для нее главное, чтобы эта родная гнида была жива и здорова. И еще лучше, если сыта.

— Как думаешь, надо туда скорую вызвать?

— Сейчас?

— Ну да.

— Думаю, нет, — теревит свой передник, на меня не смотрит. — Это далеко было?

— В стороне вокзала.

— Вряд ли его убьют. Скорее всего, он тоже убежал.

— Не знаю...

Точно знаю, что не убежал!

— Там есть, кому вызвать, — вздыхает. — Не ходи туда больше, понял меня?

Так всегда. Стоит обратиться за помощью или с вопросом, как она переходит к нравоучениям.

— Да я уж сам разберусь, мам! — хотел же просто совета.

— Все, я домой!

Полночи не мог уснуть. Перед глазами лицо парня. Он мне, возможно, жизнь спас. А я зассал вызвать ему скорую. Слишком темно было, чтобы хорошо разглядеть и запомнить его черты. Как снимок, как портретное фото, его глаза замерли в диком испуге, когда вонючая мразь воткнула ему нож в шею. Чувство страха, когда на тебя прыгает огромная бойцовская собака, открывая пасть. Уже поздно что-то делать. Внутри все сокращается, а на лице ужас, неизбежность боли, страданий и, возможно, смерти. Фото мне на память.

А потом, через провал в несколько мгновений, запомнил булькающие хрипы, похожие на засор в канализации. Тошнота скручивает желудок. Ублюдский кофе на вокзале и чай у мамы — весь мой ужин. Если поем, проблююсь.

Сука!

Хоть бы он выжил...

Просыпаюсь от стука в дверь. Как будто стучат чем-то металлическим, ключом или гвоздем, что ли. За окном еще темно, ночь цвета кока-колы. Еще раз стук, навязчивый, нетерпеливый, как будто я обязан быть дома и открыть. Может быть, соседей затопил.

Крадусь к двери на цыпочках, на мягких лапках. Сердце стучит без ритма и звука — одни прерывистые вибрации. Страшно. Опираюсь руками на дверь. Опять стук! Вздраги-

ваю от неожиданности. Задерживаю дыхание, как снайпер перед выстрелом. Отдвигаю металлическую заслонку, отчетливо слышу, как она шоркает по двери. С той стороны наверняка тоже услышали... Смотрю в глазок — никого, пустая площадка. Только что же стучали. Свет на площадке горит, значит, не показалось. Кто-то точно тут был. Не мог же подняться по лестнице так быстро, не успел бы. Сердце стучит, толкается, упирается в дверь с глухим пум-пум, пум-пум, пум-пум. Часто, громко, отчетливо. Кто же ты, гость незванный? Покажись! Свет на площадке погас. Абсолютная темнота поглощает весь мир за входной дверью с перилами и ступеньками.

Все, нужно успокоиться и идти спать. Отдвигаюсь от двери, шторка глазка бесшумно покачивается мятником и замирает внизу. Выдыхаю долго протяжно... Стук! Снова! Три четких удара чем-то острым и металлическим. Глазок! Сейчас я тебя увижу!

Никого? Нет, только все такая же глухая темнота. Как будто она движется... Как черная-черная нефтяная река перекачивается на огромных валунах. Пум-пум, пум-пум, пум-пум! Стук сердца, как будто тоже приобрел металлический звон. Нет, это не темнота движется... Это у меня в глазах плывет от волнения. Ни за что не открою сейчас дверь! Хоть всю ночь стучитесь! лягу спать, спрячу голову под подушкой, чтобы не слышать стук, если повторится.

Иду в комнату, забираюсь на кровать. Подушек нет, на-

верное, завалились за спинку, когда вставал. Перевешиваюсь, вглядываюсь в темноту, тянусь рукой. Пальцы касаются чего-то твердого, пластикового. Ручка какая-то, что ли. Тяну за нее, тяжеленькое... Канистра? Белая пластиковая канистра! Не может... Откручиваю крышку... Тянусь носом к горлышку... Вонь! Мусорка, гниль и ссанина! Концентрат разложившейся жизни пахнул в лицо! Воздух! Воздух! Откидываю канистру, она падает на пол, и из нее начинает вытекать густая кровь... Медленно так, размеренно толчок за толчком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.